

В.О. Серебряков^{1*}, **Д.И. Наумов²**¹ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь», Минск, Республика Беларусь²УО «Белорусская государственная академия связи», Минск, Республика Беларусь

*e-mail: vadim.svo@mail.ru

САНКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ КИТАЙСКОГО МЕДИАДИСКУРСА

В научной статье рассматривается нелегитимная практика применения санкционной политики США в отношении Китайской Народной Республики и ответных мерах на действия Вашингтона. На фоне углубления конфронтации американо-китайской отношений и введения США незаконных односторонних ограничений, Китай стал прочно совершенствовать правовое регулирование, направленное на противодействие ограничительным мерам. В настоящее время санкционная политика стремительно набирает обороты, приводит к тяжелым гуманитарным последствиям, усугубляет негативные проявления как двустороннего, так и многостороннего межгосударственного диалога. В современном мире санкции стали механизмом внешней политики в отношении тех государств, кто самостоятельно проводит внешнюю политику, придерживается собственного пути развития. В современных условиях актуальной является проблема применения санкционной политики одним государством (группой государств) в отношении другого государства, такого же равного субъекта международных отношений. В контексте медиадискурса официальных информационных агентств правительства Китайской Народной Республики в научной работе раскрыт механизм принудительного использования незаконных мер в отношении геополитических конкурентов. Представлены аспекты неэффективности сложившейся системы многостороннего регулирования международных отношений, которые широко используются в последние десятилетия. В статье структурированы детерминанты внешних угроз, попытка не-прикрытого вмешательства во внутренние дела суверенного государства, а динамичный характер санкционной политики и ее актуальность в контексте геополитических и геоэкономических трансформаций, подчеркивает значимость исследования данной темы.

Ключевые слова: санкционная политика, международные отношения, внешняя политика государства, Китайская Народная Республика, Соединенные Штаты Америки, коллективный Запад.

V.O. Serebryakov^{1*}, D.I. Naumov²¹Institute of Border Service of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus²Belarusian State Academy of Communications, Minsk, Republic of Belarus

*e-mail: vadim.svo@mail.ru

Sanctions Policy in the Context of the Chinese Media Discourse

The scientific article examines the illegitimate practice of applying the US sanctions policy towards the People's Republic of China and retaliatory measures to Washington's actions. Against the background of the deepening confrontation in US-China relations and the introduction of illegal unilateral restrictions by the US, China has begun to firmly improve legal regulation aimed at countering restrictive measures. Currently, the sanctions policy is rapidly gaining momentum, leading to severe humanitarian consequences, aggravating the negative manifestations of both bilateral and multilateral interstate dialogue. In the modern world, sanctions have become a mechanism of foreign policy in relation to those states that independently conduct foreign policy, adhere to their own path of development. In modern conditions, the problem of applying sanctions policy by one state (group of states) in relation to another state, the same equal subject of international relations, is relevant. In the context of the media discourse of the official news agencies of the government of the People's Republic of China, the scientific work reveals the mechanism of forced use of illegal measures against geopolitical competitors. Aspects of the inefficiency of the existing system of multilateral regulation of international relations, which have been widely used in recent decades, are presented. The article structures the determinants of external threats, an attempt at overt interference in the internal affairs of a sovereign state, and the dynamic nature of the sanctions

policy and its relevance in the context of geopolitical and geo-economic transformations emphasizes the importance of studying this topic.

Keywords: sanctions policy, international relations, foreign policy of the state, People's Republic of China, United States of America collective West.

В.О. Серебряков^{1*}, Д.И. Наумов²

¹Беларусь Республикасының Шекара қызметі институты, Минск, Беларусь Республикасы

²Беларусь мемлекеттік байланыс академиясы, , Минск, Беларусь Республикасы

*e-mail: vadim.svo@mail.ru

Қытай медиа дискурсы жағдайындағы санкциялар саясаты

Ғылыми мақалада АҚШ-тың Қытай Халық Республикасына қатысты санкциялық саясатын және Вашингтонның әрекетіне жауап берудің заңсыз тәжірибесі қарастырылған. АҚШ-Қытай қатынастарының қарама-қайшылығының тереңдеуі және АҚШ-тың заңсыз біржақты шектеулерді енгізуі аясында Қытай шектеу шараларына қарсы тұруға бағытталған құқықтық реттеуді қатаң түрде жетілдіре бастады. Қазіргі уақытта санкция саясаты қарқынды дамып келеді, ауыр гуманитарлық салдарға әкеліп, екіжақты және көпжақты мемлекетаралық диалогтың жағымсыз көріністерін күшейтеді. Қазіргі әлемде санкциялар сыртқы саясатты дербес жүргізетін, өзінің даму жолын ұстанатын мемлекеттерге қатысты сыртқы саясаттың механизміне айналды. Қазіргі жағдайда бір мемлекеттің (мемлекеттер тобының) басқа мемлекетке, халықаралық қатынастардың бірдей тең субъектісіне қатысты санкциялық саясатты қолдану мәселесі өзекті болып табылады. Қытай Халық Республикасы Үкіметінің ресми ақпараттық агенттіктерінің медиа дискурсы аясында ғылыми жұмыста геосаяси бәсекелестерге қатысты заңсыз шараларды күштеп қолдану механизмі ашылды. Мақалада соңғы онжылдықтарда кеңінен қолданылатын халықаралық қатынастарды көпжақты реттеудің қалыптасқан жүйесінің тиімсіздігінің аспектілері ұсынылған. Мақалада сыртқы қауіп-қатерлердің детерминанттары, егеменді мемлекеттің ішкі істеріне жасырын араласу әрекеті құрылымдалған, ал санкциялық саясаттың динамикалық сипаты және оның геосаяси және геоэкономикалық қайта құрулар контекстіндегі өзектілігі осы тақырыпты зерттеудің маңыздылығын көрсетеді.

Түйін сөздер: санкциялық саясат, халықаралық қатынастар, мемлекеттің сыртқы саясаты, Қытай Халық Республикасы, Америка Құрама Штаттары, ұжымдық Батыс.

Введение

В современных исторических условиях поддержание атмосферы доверия между государствами и обеспечение функционирования механизмов межгосударственного сотрудничества является одним из базовых условий сохранения легитимного порядка в мировых масштабах. В мировом масштабе политика доверия, сотрудничества и профессионализма в контексте установления и поддержания транспарентных и дееспособных механизмов международной безопасности подразумевает ключевую роль в этом процессе национальных государств. Это связано с тем, что несмотря как на новые вызовы и угрозы демографического, социокультурного или экономического характера, так и на транснационализацию политики как таковой, базовой структурной единицей мировой системы и опорой международного порядка остается национальное государство. Соответственно, национальный

суверенитет априори является политико-ценностной константой, независимо от экономического, технологического и демографического потенциала разных государств.

Однако в современной геополитической ситуации равноправие государств фактически является пустой декларацией, постоянное артикулирование которой в мировых медиа позволяет скрывать реальную картину современных международных отношений, характеризующихся резко возросшим уровнем конфронтационности. Содержание этой картины, помимо активизировавшихся межгосударственных конфликтов в формате информационного противостояния, так и в виде открытых боевых действий, сегодня определяют процессы деконструкции правовых и институциональных основ международного порядка, делигитимации принципа суверенного равенства различных государств, разрушения слабых механизмов изначально нестабильного «стратегического партнерства», проблематизации обеспечения баланса инте-

ресов различных международных акторов на основе взаимоуважения и компромисса. Как подчеркивает К.Н. Брутенц, в мире «происходит не смена гегемона, а эрозия гегемонии как способа организации международных отношений, предполагающего существование доминирующей державы, которая, опираясь на силовое превосходство, направляет внешнюю политику других государств, а также извлекает экономические преимущества» (Брутенц, 2014: 15). Следствием этого является «расшатывание устоявшихся правовых, политических, экономических, культурных и гуманитарных основ международных отношений» (Африка: санкции, элиты и суверенное развитие, 2021: 9), их деградация и демодернизация.

При этом истинные причины, цели и движущие силы ожесточенной борьбы за контроль над различными ресурсами и их потреблением, которая сегодня разгорелась между основными международными акторами (государствами, ТНК и т.д.), призваны маскировать либо транслируемый глобальными медиа и социальными сетями дискурс защиты прав человека, абсолютизирующий индивидуальные права и свободы в ущерб коллективным правам, либо идея доведения до логического завершения процесса деколонизации в странах Азии, Африки и Латинской Америки посредством виктимизации западного культурного наследия и экспроприации чужой собственности. Обратной стороной процесса фактического разрушения нормативных и институциональных основ универсального миропорядка, с большим трудом выстроенного после завершения Второй мировой войны, является ренессанс идеологии и практики протекционизма. Современную версию протекционизма страны коллективного Запада все чаще продвигают в формате как установления несправедливых преференций в пользу определенных ТНК, так и установления в отношении других стран режима односторонних или многосторонних санкций, экологических, производственных и технологических ограничений. Складывающаяся картина полной деструкции институциональной основы глобального сосуществования и разрушения механизмов мирного взаимодействия государств свидетельствует о том, что нарастает «обстановка глобальной нестабильности, чреватая катастрофическими международными последствиями» (Африка: санкции, элиты и суверенное развитие, 2021: 9).

В условиях конфликтного переформатирования международных отношений, по мнению Л.Л. Фитуни, «ослабление геостратегических позиций старых игроков и экзистенциальная опасность военной конфронтации с крупнейшими из восходящих держав заставляют Запад вести поиск альтернативных, асимметричных средств силового воздействия и принуждения на мировой арене. При этом западные державы пытаются использовать санкционную политику в целях ограничения возможностей, сковывания и в конечном итоге подчинения конкурента своей политической и экономической воле не только в международных делах, но все более и во внутринациональной повестке дня» (Фитуни, 2019: 24). Именно поэтому в настоящее время многие государства, не относящиеся к странам коллективного Запада, постоянно сталкиваются с рядом различных вызовов и угроз государственному суверенитету, развитию национальной экономики и обеспечению общественной безопасности. В качестве яркого примера здесь необходимо привести санкционную политику, которая реализуется в различных форматах (визовые ограничения в отношении должностных лиц и обычных граждан, ограничения на экспорт товаров и деятельность транспортно-логистической системы, запрет на экспорт технологий двойного назначения и передовых товаров и технологий, ограничения на инвестиции и предоставление специализированных услуг финансовой коммуникации, запрет почтовых коммуникаций и т.д.).

Соответственно, превращение санкционной политики в широко распространенный инструмент асимметричного парасилового переформатирования международных отношений в интересах стран коллективного Запада определяет необходимость его комплексной оценки в различных контекстах (как политико-институциональных, так и культурно-цивилизационных). Это обуславливает научную актуальность данной работы, объектом которой является содержание русскоязычной версии китайского медиадискурса по поводу феномена санкций и санкционной политики, а предметом – медиа-репрезентация позиции официальных властей Китая к санкциям и санкционной политике разных политических акторов. Поэтому целью данной работы является выявление позиции официальных властей Китая к санкциям и санкционной политике разных политических акторов, эксплицируемая через их оценку в информационном

контенте русскоязычных китайских электронных СМИ. В качестве типичного представителя данного вида СМИ выступает Информационное агентство Синьхуа – официальный медийный рупор правительства КНР и крупнейший китайский медиацентр. Медийной площадкой данного агентства в интернете является новостной сайт «Синьхуа новости» (ИА Синьхуа, 2025, 8 февраля), информационное содержание которого позволяет судить как о приоритетах новостной повестки дня официальных властей, так и о долговременных тенденциях развития ориентированного на русскоязычную аудиторию китайского медиадискурса.

Материалы и методы исследования

В качестве теоретико-методологической основы данного исследования, посвященного проблематике нормативно-оценочной медиа-репрезентации официальной позиции китайских властей по поводу феномена санкций и санкционной политики разных политических акторов, выступают теория санкций и теория критического дискурс-анализа.

С одной стороны, теория санкций в первую очередь фокусирует внимание на практике политического использования многосторонних или односторонних, комплексных или таргетированных мер принудительного характера одних государств и/или их интеграционных союзов в отношении других государств, преимущественно в формате законодательно легитимированных экономических санкций, с целью их принуждения к коррекции или радикальному изменению политического курса. Акцент на политической инструментализации экономических санкций, рассматриваемых в контексте противодействию международному терроризму, неконтролируемому распространению ядерного оружия, интенсификации вооруженных конфликтов и внешнеполитических кризисов, характеризует основные западные научные работы по данной проблематике (Hufbauer et al., 2009; Drezner, 1999). Как представляется, инструментальное применение санкций в отношении какого-либо другого институционального актора (транснациональной компании, политической партии, общественного движения, террористической группировки и т.д.) априори носит вторичный характер, т.к. они выступают в качестве дополнительных средств реализации основных санкций, направленных

против конкретного государства. В контексте международных отношений предметом исследования являются: экономические санкции как инструмент политического переформатирования межгосударственных и международных отношений и их эффективность; факторы, цели, инструменты и механизм таргетированного санкционного воздействия на какого-либо международного актора; формирование и содержание международной и национальной санкционных политик, их взаимосвязь; отраслевые и региональные особенности внешнего санкционного воздействия; стратегии и сценарии преодоления внешнего санкционного давления на государство и т.д.

Президент международной неправительственной организации «Международная организация прогресса», известный австрийский специалист в области международного права, профессор философии Университета Инсбрука Ханс Кёхлер подчеркивает, что в рамках «современного международного права, основывающегося на нормах, построенных на принципе суверенного равенства государств, меры принуждения – политического, экономического или военного характера – допустимы только в исключительных, экстренных случаях: (1) восстановление международного мира и порядка (многосторонние меры) и (2) в качестве мер защиты законных прав или жизненных (национальных) интересов государств (односторонние меры)» (Кёхлер, 2019: 28). Соответственно, экономические санкции в качестве инструмента гибридного переформатирования международных отношений в интересах конкретных государств или их союзов не могут рассматриваться в качестве инструмента поддержания международного мира и безопасности.

С другой стороны, теория критического дискурс-анализа позволяет эксплицировать набор идей, значений, нарративов, скрытых смыслов, аргументов и символов, используемых для характеристики санкционной политики различных акторов. Согласно Т. ван Дейку, дискурс представляет собой многокомпонентную структуру, объединяющую в себе предмет обсуждения, социальную ситуацию и идеологию, фактически принудительно обуславливающую формат и параметры социальных взаимодействий (Ван Дейк, 2013). В широком смысле он выражает, транслирует и закрепляет в социальной практике представителей какого-либо сообщества

определенные нормы и стандарты статусно-ролевого поведения, необходимые для реализации какой-либо социальной потребности, в узком – репрезентирует базовые социальные ценности и нормы этого сообщества. В контексте характеристик новостных материалов критический дискурс-анализ позволяет эксплицировать не только механизм формирования у аудитории социальных и политических знаний и представлений о мире на основе определенных интерпретаций событий и процессов, но и транслируемую медиа соответствующую картину мира. Соответственно, в качестве эмпирической базы данного исследования выступили примерно 280 новостных материалов (репортажи, редакционные материалы, статьи, интервью и т.д.), в названии или аннотациях которых была артикулирована санкционная проблематика. Отобранные материалы, которые рассматривались в качестве единиц анализа социального, политического и культурного контекстов публикации, были размещены на русскоязычной версии новостного сайта «Синьхуа новости» в период с 2020 по 2024 годы. Исследование выполнялось в логике качественного подхода по разведывательному плану, требования к репрезентативности выборочной совокупности не соблюдались.

Обзор литературы

Проблематика оценки феномена санкций и санкционной политики, как инструмента их реализации на национальном или международном уровнях, рассматриваемая в контексте русскоязычной версии китайского медиадискурса, актуализирует целесообразность рассмотрения ряда основных работ, опубликованных западными исследователями по этой теме. В современном западном научном дискурсе основной работой по санкционной проблематике принято считать совместный труд исследователей под руководством Гэри Клайда Хафбауэра из Института международной экономики Петерсона (Hufbauer et al., 2009). В качестве эмпирической основы данной работы, в которой эксплицируется политико-инструментальное предназначение экономических санкций как инструмента гибридного принуждения международных акторов в условиях растущей глобализацией мировой экономики, выступают 170 случаев применения этого инструментария в новейшее время, при этом 50 случаев характеризуют период с начала

1990-х годов. В работе экономические санкции трактуются как инструмент для десуверинизации, эффективность которого определяется экономической и военно-политической мощью государства – инициатора внешнего санкционного давления, а также ряда других экономических и политических факторов. Также достаточно интересными направлениями современных исследований санкционной проблематики являются: оценка эффективности/неэффективности внешнего экономического давления в условиях различных политических режимов, на что указывают ряд исследователей (Drezner, 2011:104; Early, 2015); оценка экономических преимуществ стратегии интернализации геополитической выгоды санкционного давления для страны-инициатора в контексте потенциальных экономических потерь от дефолта страны, подвергшейся санкциям (Bianchi, Sosa-Padilla, 2024); новые механизмы реализации таргетированного санкционного давления на различных международных акторов (Coercion The Power to Hurt in International Politics, 2018).

В классической работе Дэниела Дрезнера проблематика экономических санкций рассматривается в контексте оценки параметров эффективности внешнего экономического принуждения для государства – инициатора, формализуемых посредством инструментария теории игр и статистического анализа, определяемых с учётом краткосрочных альтернативных издержек от их применения и геополитического статуса целевого объекта внешнего экономического принуждения: противник или союзник (Drezner, 1999). Согласно Д. Дрезнеру, санкционный парадокс определяется тем, что в отношении геополитических противников экономические санкции демонстрируют намного меньшую эффективность, чем в отношении союзников. Данный вывод подтверждается в работе другого исследователя, в которой рассматриваются причины, обуславливающие широкое применение США инструментария экономических санкций, несмотря на их низкую эффективность, для продвижения и защиты национальных интересов в современной системе международных отношений (Early, 2015). В данном случае это следующие причины: экономическая, технологическая и военная мощь США как инициатора использования экономических санкций позволяет переложить издержки от их применения на другие страны,

зависимые от американского рынка, американских инвестиций и доступа к банковской системе США; применение экономических санкций позволяет США проецировать мощь на те государства, в отношении которых невозможно или невозможно в силу военно-технических причин применение военной силы; в контексте американской внутренней политики применение Вашингтоном экономических санкций в отношении других государств позволяет на символическом уровне актуализировать геополитический статус США как центра монополярного миропорядка, игнорируя при этом реальные экономические издержки данного курса. Выводы исследователей коррелируют с результатами другой работы, посвященной определению характера влияния экономических санкций США на дефолт по суверенному долгу 118 развивающихся стран в период с 1980 по 2018 год (Apeti, Edoh, 2024). В данной работе исследователи констатируют, что санкции США увеличивают вероятность дефолта по суверенному долгу в странах, против которых они введены (при этом режим американских санкций не влияет на дефолт по внутреннему долгу).

Значимой для рассматриваемой проблематики является работа интернационального коллектива исследователей (Felbermayr, Kirilakha, Syropoulos, Yalcin, Yotov, 2020), в которой рассматривается база данных Global Sanctions Data Base (GSDB). Данная база представляет собой актуальный набор данных об экономических санкциях, охватывающий все двусторонние, многосторонние и плюрилатеральные санкции в мире за почти 70-летний период (с 1950 по 2016 гг.) и типологизируемым по трем базовым параметрам: тип, политическая цель и степень эффективности. В данной работе, выполненной на основе анализа данных GSDB, исследователи пришли к следующим выводам: наблюдается тенденция интенсификации использования санкций в качестве инструмента принуждения в системе современных международных отношений; европейские страны являются наиболее частыми инициаторами санкций и их бенефициарами, а африканские страны наиболее часто выступают в качестве объектов внешнего санкционного давления; санкции становятся все более разнообразными, при этом доля торговых санкций снижается, а доля финансовых или туристических санкций растет; в качестве основных целей санкций все чаще декларируются цели установления

демократии и защиты прав человека; эффективность применения санкций росла с 1950 г. до 1995 г., но начала неуклонно снижаться с тех пор в силу ряда факторов.

Следует отметить, что в фокусе анализа представителей западной теории санкций находятся вопросы, затрагивающие национальные интересы стран коллективного Запада, в то время как вне поля исследовательского внимания остается позиция Китая, как одного из центров формирующегося многополярного мира, к феномену санкций и санкционной политике. Именно поэтому данная работа направлена на выявление китайской позиции к проблеме политической инструментализации внешнего санкционного давления.

Результаты и обсуждения

В первую очередь, необходимо подчеркнуть тот важный момент, что русскоязычная версия китайского медиадискурса не передает всего спектра аксиологических, семантических, нормативных, символических и иных аспектов в отношении феномена санкций и санкционной политики высшего китайского руководства, экспертов и журналистов. В полной мере данные аспекты репрезентируют аутентичные тексты на китайском языке, однако их анализ не является задачей данной работы.

В отношении оценки санкционной политики в медиадискурсе, транслируемом на русском языке «Синьхуа новости», можно выделить несколько интересных моментов. Так, объектом жесткой критики со стороны официальных представителей государственных структур Китая (Пресс-канцелярия Госсовета КНР, Министерство иностранных дел, Министерство коммерции и т.д.) являются американские санкции, введенные США в отношении китайских предприятий под различными предлогами.

Следует отметить, что американская администрация проводит санкционную политику в отношении китайских официальных лиц разного ранга под предлогом систематического нарушения КНР прав человека, которые расцениваются Пекином как нарушение основных норм международного права и грубое вмешательство во внутренние дела китайского государства. Рассмотрим несколько характерных для американо-китайских отношений примеров использования санкционного давления на оппонента.

Во-первых, наиболее острой проблемой для официальных властей Китайской Народной Республики является «тайваньский вопрос». Остров рассматривается как неотъемлемая часть единого Китая, поэтому любые несанкционированные центральными властями поездки официальных лиц других государств на остров рассматриваются как факт грубого вмешательства во внутренние дела страны. Именно поэтому визит на Тайвань спикера Палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси в 2022 году был расценен официальными властями КНР как попытка подрыва государственного суверенитета и территориальной целостности Китая, угроза миру и стабильности в районе Тайваньского пролива. Безусловно, этот демонстративный визит американских представителей законодательной власти был предпринят в обход традиций мировой дипломатической практики и китайских законов. В определенном смысле это можно расценивать как имплементацию традиционалистских норм конфуцианства в современную практику международных отношений. В геополитическом аспекте возрастающее значение Тайваня для КНР определяется тем, что остров является одним из стратегических районов для выхода к Индо-Тихоокеанскому региону.

Ответными действиями китайских властей стала заморозка всех активов предприятий американского военно-промышленного комплекса на китайской территории, а также запрет организациям, предприятиям и частным лицам в Китае заключать с ними сделки и осуществлять какое-либо сотрудничество. В январе 2024 года, в соответствии с Законом КНР о противодействии иностранным санкциям в качестве контрмер Китай задействовал санкционную политику в отношении пяти предприятий американского военно-промышленного комплекса («BAE Systems Land and Armament», «Alliant Techsystems Operation», «AeroVironment», «ViaSat» и «Data Link Solutions»), которые обвинялись в поставках оружия китайскому региону Тайвань. Власти КНР на дипломатическом уровне выдвинули против США обвинения в нарушении принципа одного Китая, основных положений трех китайско-американских совместных коммюнике, в особенности совместного коммюнике от 17 августа 1982 года, разрушении мира и стабильности в районе Тайваньского пролива, а также грубого нарушения законных прав и интересов китайских предприятий и частных лиц. Также

в начале августа 2024 года Министерство финансов КНР применило штрафные санкции в отношении зарегистрированной в Сянгане аудиторской компании «Elite Partners CPA Limited» за нарушение правил ведения бизнеса в стране, выразившихся в оказании компанией трансграничных аудиторских услуг без необходимого разрешения регулятора.

Во-вторых, исключительно болезненным для официальных властей КНР является американский нарратив о дискриминации уйгуров по этноконфессиональному признаку, подаваемый в мировых медиа как этнический геноцид и нормативно закрепленный в американском Законе о предотвращении принудительного труда уйгуров, принятого в декабре 2021 года. Согласно этому закону, иллюстрирующему практику «юрисдикции длинных рук», любые предприятия, имеющие какие-либо экономические связи с Синьцзяном и не желающие попасть под полный запрет на импорт, должны предоставить властям США достоверные доказательства того, что при производстве их товаров не применяется принудительный труд. В этом же ряду находится американский нарратив о нарушении китайскими властями прав человека в Тибетском автономном районе, принадлежность которого Китаю периодически ставится под сомнение на уровне американского экспертного сообщества.

В идеологическом аспекте американский нарратив о дискриминации уйгуров и народов Тибета подрывает конституционные основы государственного строя КНР как социалистического государства, которое базируется на принципе демократической диктатуры народа. В политическом аспекте такой нарратив дискредитирует геополитического противника, вменяя Китаю игнорирование универсальных правил мировой торговли и основных норм международных отношений. Однако именно Китай является приверженцем экономической глобализации и многосторонней торговой системы, ядром которой является Всемирная торговая организация, извлекая выгоды из либерализации и упрощения процедур глобальной торговли и инвестиций. В экономическом аспекте этот американский нарратив позволяет легитимизировать политику вытеснения крупных китайских компаний, которые являются конкурентами американских ТНК, с мирового рынка технологий. Для этого вводится запрет на импорт продукции, произведенной китайскими компаниями с якобы использова-

нием принудительного труда уйгуров. Именно поэтому Китай однозначно интерпретирует американскую позицию по уйгурскому вопросу как вмешательство во внутренние дела страны посредством фабрикации и распространения дезинформации о Синьцзяне, которая полностью игнорирует реальные достижения центральных властей в управлении регионом.

Власти КНР постоянно требуют отменить незаконные односторонние санкции США против китайских компаний, рассматривая их как несоответствующие принципам экономической глобализации и устойчивого развития. Согласно китайским редакционным материалам «Синьхуа новости», опубликованным в июне 2024 года, в настоящее время четверть стран мира непосредственно страдает от односторонних санкций США, а с 2017 года более 1300 китайских компаний и физических лиц под предлогом применения принудительного труда были включены в санкционные режимы США или внесены в «черный» список. Непосредственным следствием санкционной политики США в отношении китайских предприятий в Синьцзяне и за его пределами стала не только потеря рабочих мест и закрытие предприятий в регионе, но и рыночные искажения и нарушения цепи поставок по всему миру. В данном случае китайские власти исходят из того, что «Китай и США играют ключевую роль в системе мировой экономики: Китай — это «мировая фабрика» и один из важнейших хабов глобальных производственных цепочек и цепочек поставок, а США — крупнейший потребительский рынок» (Кирюшина, 2024: 22).

В качестве контрмер Китай в соответствии с Законом о противодействии иностранным санкциям периодически вводит ответные ограничительные меры против американских должностных лиц, налагая запрет на посещение страны и ведение бизнеса с китайскими контрагентами. Например, в декабре 2021 года такие меры были приняты в отношении председателя Комиссии США по международной религиозной свободе Надин Маенза, заместителя председателя комиссии Нури Туркель, а также членов данной комиссии Анурима Бхаргава и Джеймса Карра, которым был запрещен въезд в Китай, включая САР Сянган и САР Аомэнь.

Для подтверждения позиции, связанной с незаконными действиями Вашингтона, следует отметить результат 12-дневной ознакомительной поездки в Китай, главным образом в Синьцзян-

Уйгурский автономный район, специального докладчика ООН по вопросам односторонних принудительных мер и прав человека Алены Духан. Эксперт проинспектировала шесть городов Китая для выявления негативного воздействия односторонних принудительных мер США на права человека, при этом четыре из них находятся в Синьцзяне. По итогам инспекционной поездки, согласно «Синьхуа новости», Алена Духан констатировала тот факт, что американская санкционная политика и практика применения санкционных инструментов базируется на презумпции виновности экономических акторов в случае их какой-либо связи с Синьцзяном на любом этапе цепочки поставок, а также нарушает фундаментальные принципы международного права. В своем докладе Алена Духан призвала стороны, применяющие санкционную политику, отменить и остановить действие незаконных односторонних санкций, введенных как в отношении Китайской Народной Республики, так и в отношении китайских предприятий и частных лиц.

В-третьих, вызывает протест внесение в подсанкционный список ряда высокотехнологичных китайских компаний под предлогом нарушения китайскими властями прав человека в стране. С точки зрения китайских официальных представителей политизация проблемы соблюдения прав человека рассматривается как универсальный инструмент, необходимый для вмешательства во внутренние дела других стран и нанесения ущерба их национальным интересам. Систематическое применение этого инструмента, а с 1950 года США ввели больше односторонних санкций, чем любая другая страна мира, позволяет американским властям элиминировать из публичной сферы проблему дефицита прав человека в своей собственной стране. При этом китайские власти постоянно подчеркивают, что США сталкиваются со множеством внутренних хронических проблем (расовая дискриминация, злоупотребление наркотиками, насилие с применением огнестрельного оружия, неэффективность американской системы здравоохранения в период пандемии COVID-19 и т.д.), на решение которых у них не хватает ни политической воли, ни ресурсов.

Однако применение США санкций против некоторых высокотехнологичных китайских компаний также имеет под собой серьезную экономическую мотивацию, вызванную несо-

мненными успехами Китая в цифровой трансформации национальной промышленности. Власти страны с 2015 г. реализуют десятилетнюю программу «Сделано в Китае 2025» (MIS-2025), которая «должна превратить Китай в промышленную сверхдержаву и изменить взгляд на страну иностранных компаний, бизнес-ассоциаций и правительств. К сожалению, они все чаще воспринимают Китай не как партнера, а как соперника. Новая промышленная политика MIS-2025 должна вывести китайские компании в мировые лидеры в десяти основных отраслях промышленности к 2025 г., а Китай должен стать глобальной технологической супердержавой к 2049 г.» (Головенчик, Ван Юань, 2020: 52). Следствием этого стала ориентация Китая на формирование собственной транснациональной технологической «экосистемы» и соответствующего подхода к глобальному управлению киберпространством. Данный подход «опирается на государственный суверенитет в вопросе управления внутренним сегментом сети Интернет, ограничивая технологическое влияние и роль негосударственных акторов в управлении киберпространством» (Дегтерев и др., 2021: 9). В рамках этой модели управления киберпространством государство с целью обеспечения информационного суверенитета и общественной безопасности реализует контроль над Интернетом, телекоммуникационными компаниями и информационным пространством. Однако такой подход радикально отличается от многосторонней децентрализованной модели управления Интернетом с ведущей ролью НКО, сторонами которой являются США и развитые страны. Для этой модели характерно «концентрирование функций управления критической инфраструктурой в руках частных компаний и создание инклюзивного процесса управления киберпространством, который реализуется некоммерческой организацией ICAAN» (Дегтерев и др., 2021: 9). Различия между этими подходами не только организационно-управленческие и технологические, но и институциональные, характеризующие как разную функциональную нагрузку и параметры социальной ответственности государства за процессы в экономике, так и его ресурсные возможности в ситуации технологической модернизации. Поэтому использование в рамках жесткой конкурентной борьбы санкций, которые «вытесняют официальную дипломатию, демонстрируя эрозию сложившихся

институтов и правил игры» (Политика санкций: цели, стратегии, инструменты, 2018: 9), фактически характеризует политическую инструментализацию процесса цифровой трансформации промышленности.

В-четвертых, на официальном уровне в качестве типичного акта одностороннего буллинга и экономического принуждения рассматривается решение США ввести санкции и штрафы в отношении тех китайских предприятий и физических лиц, которые ведут бизнес в Российской Федерации и поддерживают различные экономические связи с российскими предприятиями. Китайские официальные представители постоянно подчеркивают, что подобные неизбирательные односторонние санкции и «юрисдикция длинной руки» не только противоречат международному праву и не санкционированы Советом Безопасности ООН, но и являются средствами геополитического давления и шантажа. Как Китай, так и Россия имеют значительный дефицит доверия в отношении США, что создает существенные проблемы для двустороннего взаимодействия по линии КНР–США или РФ–США и обуславливает целесообразность стратегического партнерства Китая и России. При этом российский опыт организационно-управленческого и экономического противодействия внешнему санкционному давлению вызывает у китайцев неподдельный интерес из-за того, что российская экономика продемонстрировала значительную степень адаптации к западным санкциям, а страны коллективного Запада практически исчерпали свои возможности давления на неё с помощью ограничительных мер.

В первую очередь китайцев интересует переструктуризация российской экономики в условиях западного санкционного давления, политика импортозамещения, механизм параллельного импорта, формирование независимых от западного контроля цепочек поставок и кредитно-финансовых институтов, дедолларизация внешней торговли, влияние санкций на российскую нефтяную отрасль и газодобычу, развитие торгово-экономического взаимодействия России со странами БРИКС и ШОС. Особое внимание уделяется модернизации российской обрабатывающей промышленности в условиях противостояния России с коллективным Западом, рассматриваемой в контексте наращивания объемов поставок китайского промышленного оборудования на российский рынок, в первую

очередь продукции китайского станкостроения (Продовольственная и ресурсная безопасность в странах Азии и Африки, 2023: 550). В значительной степени весь этот интерес китайской стороны обусловлен необходимостью реализации глобального китайского проекта по созданию единой евразийской транспортной инфраструктуры «Экономический пояс Шелкового пути», для которого усиление геополитического противостояния России и коллективного Запада, в том числе в формате санкционного давления друг на друга, является фактором риска, существенно осложняющим сопряжение ЕАЭС с КНР (Семёнова, 2023).

В первую очередь китайские компании интересуют переструктуризация российской экономики в условиях беспрецедентного санкционного давления со стороны коллективного Запада, политика импортозамещения, механизм параллельного импорта, формирование независимых от западного контроля цепочек поставок и кредитно-финансовых институтов, дедолларизация внешней торговли, влияние санкций на российскую нефтяную отрасль и газодобычу, развитие торгово-экономического взаимодействия России со странами БРИКС и ШОС. Особое внимание уделяется модернизации российской обрабатывающей промышленности в условиях противостояния России с коллективным Западом, рассматриваемой в контексте наращивания объемов поставок китайского промышленного оборудования на российский рынок, в первую очередь продукции китайского станкостроения. В значительной степени весь этот интерес китайской стороны обусловлен необходимостью реализации глобального китайского проекта по созданию единой евразийской транспортной инфраструктуры «Экономический пояс Шелкового пути», для которого усиление геополитического противостояния России и коллективного Запада, в том числе в формате санкционного давления друг на друга, является фактором риска, существенно осложняющим сопряжение ЕАЭС с КНР.

В целом американские санкции в отношении флагманов китайского бизнеса, обычных предприятий и фирм, официальных должностных лиц и частных компаний оцениваются как меры силового принуждения и инструменты несправедливой конкуренции, лишаящие китайский народ права на развитие. Правовую обоснованность данной позиции, подтверждает

тот факт, что «применительно к санкционным ограничениям, затрагивающим ряд сфер межгосударственных экономических отношений, в принципе отсутствуют специализированные международные организации и иные внесудебные механизмы, к которым пострадавшие от санкций страны, а также физические и юридические лица (как резиденты стран – адресатов санкций, так и резиденты третьих стран, обвиняемые в нарушении санкционного режима) могли бы обращаться за защитой своих интересов» (Афонцев, 2019: 55). Делигитимация американской санкционной политики, фактически элиминирующей презумпцию невиновности и право на справедливое судебное разбирательство, обязывает Китай не только постоянно подчеркивать моральную ущербность американской позиции в отношении санкций, но и принимать контрмеры для защиты законных прав и интересов китайских предприятий и граждан.

Более диверсифицирована, политически и идеологически нейтральна позиция официального Китая в отношении оценки западных и/или международных санкций в области финансов, торговли, транспорта и в иных сферах, нацеленных на принудительную коррекцию внешней и/или внутренней политики стран-мишеней, предприятий, должностных и частных лиц других стран или же призванных нанести им определенный ущерб.

Китайские власти поддерживают международные санкции в отношении так называемых несостоявшихся государств, в которых имеется длительный неурегулированный внутривнутриполитический конфликт, наблюдается деградация политических институтов и дисфункциональность органов государственного управления. Китай выступает за то, чтобы одновременно государства – члены ООН и международные гуманитарные учреждения активно применяли гуманитарные исключения в отношении различных категорий населения, а также предотвращали расширенное толкование и чрезмерное соблюдение санкций в кризисных регионах. При этом для Китая существует несколько недостаточно проработанных процедурных вопросов, связанных с режимом международных санкций:

- выявление и оценка юридических и политических рисков, связанных с длительным и неизбирательным применением односторонних санкций в отношении гражданского населения,

что приводит к углублению гуманитарного кризиса в какой-либо стране;

- несогласованность норм международного гуманитарного права и «юрисдикции длинных рук» в случае установления санкционного режима и ужесточения односторонних санкций в отношении какой-либо страны;

- отсутствие транспарентных и осуществимых механизмов оперативной корректировки или выхода из существующего режима международных санкций на основе мониторинга гуманитарной ситуации в стране в рамках ясно определенного и реалистичного временного периода.

Обычно такие санкции, инициируемые или поддерживаемые Советом Безопасности ООН, вводятся в отношении отдельных стран или каких-либо акторов внутри этих стран. Так, Китай в целях деэскалации внутривосточного конфликта и улучшения гуманитарной ситуации в охваченных насилием странах, население которых в условиях постоянно ухудшающейся гуманитарной ситуации сталкивается с многочисленными проблемами, поддерживает международный санкционный режим в отношении таких государств, как Афганистан, Гаити, Судан, Южный Судан и др. Похожую позицию Китай занимает в отношении палестино-израильского конфликта, недавнее обострение которого привело к тому, что за период более года только в Газе погибло более 45 тыс. человек, большинство из которых – женщины и дети.

Китайские дипломаты рассматривают политическую волю и дипломатические усилия, а не оружие, боеприпасы и односторонние санкции, в качестве единственного условия разрешения любых вооруженных конфликтов, особенно в тех странах и регионах, которые находятся на критическом этапе перехода от миротворчества к миростроительству. Поэтому Китай выступает за то, чтобы развитые страны постоянно увеличивали масштабы гуманитарной помощи населению и оказывали более существенную поддержку гуманитарным операциям в кризисных регионах мира. Морализация международных отношений и императив нравственного поведения субъектов международного права, которые рассматриваются в качестве залога эффективного урегулирования вооруженных конфликтов и гарантии предотвращения распространения негативных последствий кризиса, позволяют Китаю поддерживать свой позитивный имидж

в качестве одного из полюсов формирующегося многополярного мира.

Вместе с тем прагматизм и утилитаризм Китая в сфере международных отношений проявляется в том, что КНР всегда поддерживает официальные прямые контакты с властями государств, попавших под международные санкции, независимо от степени их международной легитимности и политического имиджа. С точки зрения официальных китайских властей, это позволяет как обеспечить обратную связь с реальными властными структурами этих государств, так и содействовать укреплению конструктивного взаимодействия с ними с целью восстановления динамики развития и реинтеграции в мировую семью наций. Китай на официальном уровне рассматривает санкции как вынужденный инструмент, применение которого должно обеспечить соблюдение норм международного гуманитарного права, максимальную защиту гражданских лиц и гражданских объектов, блокирование незаконного траффика оружия и деэскалацию ситуации на местах. Именно поэтому Китай одобряет таргетированные санкции против членов незаконных вооруженных формирований и их сторонников, включая запрет на поездки, замораживание активов и эмбарго на поставки оружия, которые вводятся только с одобрения Совета Безопасности ООН. Проблема только в эффективности подобных санкций в условиях несостоявшихся государств, когда только внешние ресурсы обеспечивают какую-либо дееспособность санкционного режима. Однако ключом к улучшению ситуации с безопасностью в этих странах, по мнению китайских властей, является укрепление потенциала государственных структур в сфере безопасности и восстановление национальной экономики.

Заключение

Таким образом, репрезентация официальной позиции властей Китая в отношении применения санкций и оценки последствий санкционной политики различается в зависимости от того, кто является адресатом и адресантом санкций, односторонних ограничительных мер и правовых рестрикций. С одной стороны, позиция официальных китайских властей заключается в жестком осуждении санкционной политики США и их союзников, а сами санкции рассматриваются в качестве гегемонистского

инструмента. Санкции активно применяются западными странами для открытого вмешательства во внутренние дела Китая, которые игнорируют нормы международного права. При этом США и их союзники для реализации санкционного давления как на Китай, так и на другие страны систематически используют систему американоцентричных международных институтов (Конкуренция между США и КНР: 172–176). По мнению И.И. Антоновича, с макроисторической точки зрения западное силовое давление на Китай, являющегося геополитическим конкурентом США, не имеет никаких перспектив: «В конце XX в. – начале XXI в., осуществив мощный рывок модернизации, набрал силу Китай. В стремлении отработать сценарии нового воздействия на мир ведущие стратегии Запада упустили момент, когда мож-

но было помешать китайской динамике» (Антонович, 2024: 44). С другой стороны, международные санкции в китайском медиадискурсе характеризуются и оцениваются как легитимные инструменты, необходимые для восстановления режима оптимального функционирования политических и экономических институтов стран «третьего мира», бедственное положение которых является следствием их колониального прошлого. В целом западная санкционная политика в русскоязычной версии китайского медиадискурса рассматривается в определенном контексте, характеризующим ситуацию геополитического переформатирования международной системы и формирование многополюсного мира, в котором Китай играет ключевую роль в качестве драйвера экономического развития человечества и гаранта безопасности.

Литература

- Apeti, A. E., & Edoh, E. D. (2024). Economic Sanctions and Sovereign Debt Default. *European Journal of Political Economy*, 85. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0176268024000739?via%3Dihub>
- Bianchi, J., & Sosa-Padilla, C. (2024). On Wars, Sanctions, and Sovereign Default. *Journal of Monetary Economics*, 141, 62–70.
- Greenhill, K. M., & Krause, P. (Eds.). (2018). *Coercion: The Power to Hurt in International Politics*. Oxford University Press.
- Drezner, D. W. (1999). *The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations*. Cambridge University Press.
- Drezner, D. W. (2011). Sanctions Sometimes Smart: Targeted Sanctions in Theory and Practice. *International Studies Review*, 13(1), 96–108.
- Early, B. R. (2015). *Busted Sanctions: Explaining Why Economic Sanctions Fail*. Stanford University Press.
- Felbermayr, G., Kirilakha, A., Syropoulos, C., Yalcin, E., & Yotov, Y. V. (2020). The Global Sanctions Data Base. *European Economic Review*, 129.
- Антонович, И. И. (2024). Вестернизация и панамериканизация как социально-политические технологии строительства однополярного мира. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*, 4, 43–58.
- Афонцев, С. А. (2019). Санкции и международные институты: перспективы снижения санкционных рисков для России. *Вестник международных организаций*, 14(3), 48–68.
- Брутенц, К. Н. (2014). *Великая геополитическая революция. Международные отношения*.
- Ван Дейк, Т. (2013). *Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. Либроком.
- Головенчик, Г. Г., & Ван Юань. (2020). *Цифровая трансформация промышленности Китая: опыт для ЕАЭС* (под ред. М. М. Ковалёва). Издательский центр БГУ.
- Дегтерев, Д. А., Рамич, М. С., & Пискунов, Д. А. (2021). Подходы США и КНР к глобальному управлению киберпространством: «новая биполярность» в «сетевом обществе». *Вестник международных организаций*, 16(3), 7–33.
- Дегтерев, Д. А. (Ред.). (2024). *Конкуренция между США и КНР: возможности для России*. Аспект Пресс.
- Дерюгина, И. В. (Отв. ред.). (2023). *Продовольственная и ресурсная безопасность в странах Азии и Африки*. Институт востоковедения РАН.
- ИА Синьхуа. (2025, 8 февраля). *Сайт информационного агентства «Синьхуа»*. <http://www.russian.xinhuanet.com/>
- Кёхлер, Х. (2019). Санкции и международное право. *Вестник международных организаций*, 14(3), 27–47.
- Кирюшина, А. И. (2024). Проблемы взаимодействия КНР и США в экономической и гуманитарной сферах. *Восточная Азия: факты и аналитика*, 2, 20–36.
- Семенова, Н. К. (2023). *Транспортные горизонты Евразии. Экономические и геополитические «ловушки» и возможности* (отв. ред. С. Г. Лузянин). Институт востоковедения РАН.
- Тимофеев, И. Н., & Махмутов, Т. А. (Сост.). (2018). *Политика санкций: цели, стратегии, инструменты*. РСМД.
- Фитуни, Л. Л. (2019). «Санкционное таргетирование»: инструмент внешней политики, нечестной конкуренции или глобального социального инжиниринга? *Вестник МГИМО-Университета*, 3(66), 17–41.
- Фитуни, Л. Л. (Ред.). (2021). *Африка: санкции, элиты и суверенное развитие*. Институт Африки РАН.

References

- Antonovich, I. I. (2024). Vesternizaciya i panamerikanizaciya kak social'no-politicheskie tekhnologii stroitel'stva odnopolyarnogo mira [Westernization and pan-Americanization as socio-political technologies for building a unipolar world]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sociologiya*, 4, 43–58.
- Apeti, A. E., & Edoh, E. D. (2024). Economic Sanctions and Sovereign Debt Default. *European Journal of Political Economy*, 85. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0176268024000739?via%3Dihub>
- Bianchi, J., & Sosa-Padilla, C. (2024). On Wars, Sanctions, and Sovereign Default. *Journal of Monetary Economics*, 141, 62–70.
- Greenhill, K. M., & Krause, P. (Eds.). (2018). *Coercion: The Power to Hurt in International Politics*. Oxford University Press.
- Drezner, D. W. (1999). *The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations*. Cambridge University Press.
- Drezner, D. W. (2011). Sanctions Sometimes Smart: Targeted Sanctions in Theory and Practice. *International Studies Review*, 13(1), 96–108.
- Early, B. R. (2015). *Busted Sanctions: Explaining Why Economic Sanctions Fail*. Stanford University Press.
- Felbermayr, G., Kirilakha, A., Syropoulos, C., Yalcin, E., & Yotov, Y. V. (2020). The Global Sanctions Data Base. *European Economic Review*, 129.
- Degterev, D. A., Ramich, M. S., & Piskunov, D. A. (2021). Podhody SSHA i KNR k global'nomu upravleniyu kiberprostranstvom: «novaya bipolyarnost'» v «setevom obshchestve» [US and Chinese approaches to global cyberspace governance: “New bipolarity” in the “network society”]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizacij*, 16(3), 7–33.
- Dejk, T. van. (2013). Diskurs i vlast': Reprezentaciya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii [Discourse and power: Representing dominance in language and communication]. URSS, Librokom.
- Drezner, D. W. (1999). *The sanctions paradox: Economic statecraft and international relations*. Cambridge University Press.
- Drezner, D. W. (2011). Sanctions sometimes smart: Targeted sanctions in theory and practice. *International Studies Review*, 13(1), 96–108.
- Early, B. R. (2015). *Busted sanctions: Explaining why economic sanctions fail*. Stanford University Press.
- Felbermayr, G., Kirilakha, A., Syropoulos, C., Yalcin, E., & Yotov, Y. V. (2020). The global sanctions database. *European Economic Review*, 129. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0014292120301914>
- Fituni, L. L. (2019). «Sankcionnoe targetirovanie»: instrument vneshnej politiki, nechestnoj konkurencii ili global'nogo social'nogo inzhiniringa? [“Sanctions targeting”: A tool of foreign policy, unfair competition, or global social engineering?] *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 3, 17–41.
- Fituni, L. L., Zaharov, I. A., Dmitriev, R. V., Sharova, A. Y., & Aleshin, K. A. (2021). Afrika: sankcii, elity i suverennoe razvitie [Africa: Sanctions, elites, and sovereign development]. Institut Afriki Rossijskoj akademii nauk.
- IA Sin'khua. (2025, February 8). *Sait informatsionnogo agentstva “Sin'khua”* [Xinhua News Agency website]. Retrieved February 8, 2025, from <http://www.russian.xinhuanet.com/>
- Golovenchik, G. G., & Van Yuan'. (2020). Cifrovaya transformaciya promyshlennosti Kitaya: opyt dlya EAES [Digital transformation of China's industry: Experience for the EAEU]. Izdatel'skij centr Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Grachikov, E. N., Degterev, D. A., Dubrovskij, I. R., Nikulin, M. A., Piskunov, D. A., & Ramich, M. S. (2024). Konkurenciya mezhdu SSHA i KNR: vozmozhnosti dlya Rossii [Competition between the USA and China: Opportunities for Russia]. Aspekt Press.
- Kehler, H. (2019). Sankcii i mezhdunarodnoe pravo [Sanctions and international law]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizacij*, 14(3), 27–47.
- Kiryushina, A. I. (2024). Problemy vzaimodejstviya KNR i SSHA v ekonomicheskoy i gumanitarnej sferah [Problems of interaction between China and the United States in the economic and humanitarian spheres]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika*, 2, 20–36.
- Prodovol'stvennaya i resursnaya bezopasnost' v stranah Azii i Afriki [Food and resource security in Asia and Africa]. (2023). Institut vostokovedeniya Rossijskoj akademii nauk.
- Semenova, N. K. (2023). Transportnye gorizonty Evrazii: Ekonomicheskie i geopoliticheskie «lovushki» i vozmozhnosti [Transport horizons of Eurasia: Economic and geopolitical “traps” and opportunities]. Institut vostokovedeniya Rossijskoj akademii nauk.
- Timofeev, I. N., & Mahmutov, T. A. (2018). Politika sankcij: celi, strategii, instrumenty [Sanctions policy: Goals, strategies, instruments]. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam.

Сведения об авторах:

Серебряков Вадим Олегович – к.полит.н., помощник начальника Института пограничной службы Республики Беларусь, начальник отделения международного сотрудничества (Минск, Республика Беларусь, e-mail: vadim.svo@mail.ru);

Наумов Дмитрий Иванович – к.соц.н., доцент, ученый секретарь Белорусской государственной академии связи (Минск, Республика Беларусь, e-mail: bsac-ss2021@yandex.by).

Information about authors:

Serebryakov Vadim Olegovich – candidate of political sciences, assistant to the head of the Institute of Border Service of the Republic of Belarus – head of the department of international cooperation (Republic of Belarus, Minsk, e-mail: vadim.svo@mail.ru)

Naumov Dmitry Ivanovich – candidate of sociological sciences, Associate Professor, academic secretary of the Belarusian State Academy of Communications (Republic of Belarus), Minsk, e-mail: bsac-ss2021@yandex.by

Авторлар туралы мәлімет:

Серебряков Вадим Олегович – саясат.ғ.к., Беларусь Республикасы Шекара қызметі институты бастығының ассистенті – халықаралық ынтымақтастық бөлімінің бастығы (Беларусь Республикасы, Минск, e-mail: vadim.svo@mail.ru).

Дмитрий Иванович Наумов – ә.ғ.к., доцент, Беларусь мемлекеттік телекоммуникациялар академиясының академиялық хатшысы (Беларусь Республикасы, Минск, e-mail: bsac-ss2021@yandex.by).

Поступила 16 февраля 2025 г.

Принята 8 сентября 2025 г.